

• СЕРГЕЙ
АНДРЕЕВИЧ •

Соколов подбросил в костер две сухие еловые ветки, огонь мгновенно охватил их, потянулся вверх, порывистыми языками стал лизать днище прокопченного, висящего над костром ведра.

Сергей Андреевич посмотрел на корчащиеся в голубоватом пламени хвоинки, потом перевел взгляд на лица замороженных костром ребят:

— Роскошный костер, правда?

Соколов качнул головой:

— Да...

Лебедева зябко передернула худенькими плечами:

— Я, Сергей Андреевич, сто лет в лесу не была. С восьмого класса.

— Почему? — Он снял очки и, близоруко щурясь, стал протирать их носовым платком.

— Да как-то времени не было, — проговорила Лебедева.

— Что ж ты с нами на Истру не поехала тогда? — насмешливо спросил ее Савченко.

— Не могла.

— Скажи — лень было. Вот и все.

— Вовсе и не лень. Я болела.

— Ничего ты не болела.

— Болела.

Сергей Андреевич примирительно поднял свою узкую руку с тонкими сухощавыми пальцами:

— Ну, хватит, Леша, оставь Лену в покое... Вы лучше присмотритесь, какая красотища кругом. Прислушайтесь.

Ребята посмотрели вокруг.

Перывистый огонь костра высвечивал темные силуэты кустов и молодых березок. Поодаль неподвижной стеной темнел высокий смешанный лес, над которым в яркой звездной россыпи висела большая луна.

Стояла глубокая ночная тишина, нарушаемая потрескиванием костра.

Пахло рекой, прелью и горелой хвоей.

— Здорово... — протянул, привставая, кудрявый и широкоплечий Елисеев, — прямо как в "Дерсу Узала".

Сергей Андреевич улыбнулся, отчего вокруг

моложавых, скрытых толстыми стеклами очков глаз собрались мелкие морщинки:

— Да, ребята, лес — это удивительное явление природы. Восьмое чудо света, как Мамин-Сибиряк сказал. Лес никогда не может надоесть, никогда не наскучит. А сколько богатств в лесу! Кислород, древесина, целлюлоза. А ягоды, а грибы! Действительно — кладовая. Человеку без леса очень трудно. Невозможно жить без такой красоты...

Он замолчал, глядя в неподвижную стену леса.

Ребята смотрели туда же.

— Лес-то, это, Сергей Андреевич, конечно, хорошо, — улыбаясь, пробормотал Елисеев. — Но техника все-таки лучше.

Он похлопал висящий у него на плече портативный магнитофон:

— Без техники сейчас шагу не ступишь.

Сергей Андреевич повернулся к нему, внимательно посмотрел:

— Техника... Ну что ж, Витя, техника, безусловно, дала человеку очень много. Но мне кажется, главное, чтобы она не заслонила самого человека, не вытеснила его на задний план. Лес этого сделать никогда не сможет.

Ребята посмотрели на Елисеева.

Оттопырив нижнюю губу, он пожал плечами:

— Да нет, я ничего... Просто...

— Просто помешался ты на своей поп-музыке, вот и все! — перебила его Лебедева. — Без ящика этого шага ступить не можешь.

— Ну и что, плохо, что ли? — Он исподлобья посмотрел на нее.

— Да не плохо, а вредно! — засмеялась она. — Оглохнешь — никто в институт не примет!

Ребята дружно засмеялись.

Сергей Андреевич улыбнулся:

— Ну, Лебедева, тебе палец в рот не клади.

— А что ж он, Сергей Андреевич, носится как с писаной торбой...

— А тебе какое дело? — буркнул Елисеев. — Ты тоже без своей консерватории прожить не можешь...

— Так это ж консерватория, чудак! Бах, Гайдн, Моцарт! А у тебя какие-то лохматые завывают.

— Сама ты лохматая.

Сергей Андреевич мягко взял Елисеева за плечо:

— Ну-ну, Витя, хватит. Ты ведь собираешься в МАИ идти. А летчикам нужна выдержка.

— А я не летчиком буду, а конструктором, — пробурчал раскрасневшийся Елисеев.

— Тем более. Вот что, друзья. Давайте-ка, пользуйтесь такой ясной погодой, вспомним астрономию.

Сергей Андреевич встал, отошел немного поодаль и, сунув руки в карманы своей легкой куртки, посмотрел в небо.

Оно было темно-фиолетовым, звезды светились необычайно ярко и казались очень близкими. Край ослепительно белой луны был слегка срезан.

— Лучше и наглядней любой карты, — тихо проговорил Сергей Андреевич и быстрым лаконичным движением поправил очки. — Тааак... Что это за вертикальное созвездие вон там?

Он вытянул вверх руку:

— Ну, кто смелый? Олег?

— Волосы Вероники? — неуверенно пробормотал Зайцев.

Сергей Андреевич отрицательно покачал головой:

— Оно правее и выше. Вон оно, под Гончими Псами... Витя?

— Кассиопея! — громко проговорил Елисеев, сунув руки в карманы джинсов и запрокидывая голову. — Точно, Кассиопея.

Стоящий рядом Соколов усмехнулся.

— Два с минусом, — проговорил Сергей Андреевич и быстро показал. — Вон твоя Кассиопея, возле Цефея.

Лебедева засмеялась.

Елисеев почесал затылок, пожал плечами:

— Но они вообще-то чем-то похожи...

— На тебя! — хихикнула Лебедева и из-за спины Соколова шлепнула Елисеева по затылку.

— Вот ненормальная, — усмехнулся Елисеев.

Сергей Андреевич повернулся к ребятам:

— Неужели никто не знает? Дима?

Савченко молча покачал головой.

— Лена?

Лебедева со вздохом пожала плечами.

— Просто перемешалось после экзаменов все в голове, Сергей Андреевич, — протянул Зайцев.

Елисеев усмехнулся, ногой поправил вывалившуюся из костра ветку:

— У кого перемешалось, а у кого наоборот — все вылетело. Как в аэродинамической трубе...

Ребята засмеялись.

— А вот Мишка точно знает, по глазам видно, — покосилась Лебедева на Соколова.

Соколов смущенно посмотрел в костер.

Сергей Андреевич перевел взгляд на его узкое спокойное лицо:

— Знаешь, Миша?

— Знаю, Сергей Андреевич. Это созвездие Змеи.

— Тааак, — утвердительно качнул головой учитель. — Молодец. А над Змеей что?

— Северная Корона, — сдержанно проговорил Соколов в полной тишине.

— Правильно. Северная Корона. В ней звезда первой величины. А вот слева что за созвездие?

— Геркулес.

— А справа?

— Волопас.

Сергей Андреевич улыбнулся:

— Пять с плюсом.

Елисеев покачал головой:

— Ну, Мишка, ты даешь. Прямо как Джордано Бруно.

Соколов смотрел в небо, теребя край куртки.

Закипевшая в ведре вода побежала через край, с шипением полилась на костер.

— Ух ты, прозевали! — засуетился Елисеев, хватаясь за один из концов поперечной палки, на которой висело ведро. — Олег, снимаем быстро!

Зайцев взялся за другой конец.

Вдвоем они сняли ведро с огня и аккуратно поставили на усыпанную золой траву.

Сергей Андреевич подошел, наклонился:

— Так. Закипела. Ну, давайте чай заварим.

Ребята стали высыпать чай из заранее приготовленных пачек в кипяток.

— А может, и сгущенку туда сразу, а? — вопросительно посмотрела Лебедева.

— Что ж, идея хорошая, — кивнул головой учитель.

Елисеев достал две банки из рюкзака и принялся открывать их. Лебедева тем временем ме-

шала в ведре свежееобструганной палкой. Быстро открыв банки, Елисеев опрокинул их над ведром. Двумя белыми тягучими полосами молоко потянулось вниз...

Вскоре ребята и учитель с удовольствием пили сладкий ароматный чай, прихлебывая его из кружек.

Влажный ночной ветерок качнул пламя угающего костра, принес запах реки.

Слабеющие язычки плясали над янтарной грудой углей, колеблясь, пропадая и появляясь вновь.

— Самый раз — картошку положить, — предложил Зайцев, прихлебывая чай.

— Точно, — согласился Елисеев и палкой стал разгребать угли, щурясь от жара.

Сергей Андреевич допил свой чай и поставил кружку на пенек:

— Лена, а ты, кажется, в текстильный собираешься?

Кружка Лебедевой замерла возле ее губ.

Лена посмотрела на учителя, потом опустила кружку, перевела взгляд на костер:

— Я, Сергей Андреевич... я...

Она набрала побольше воздуха и твердо произнесла:

— Я решила пойти на ткацкую фабрику.

Ребята молча посмотрели на нее.

Раскапывающий угли Елисеев удивленно хмыкнул:

— Ну, ты даешь! Отличница — и к станку. Шпульки мотать...

— А это не твое дело! — перебила его Лебедева. — Да, я иду на фабрику простой ткачихой. Чтобы по-настоящему почувствовать производство. А цену своим пятеркам я знаю.

Елисеев пожал плечами:

— Но тогда можно было пойти на заочный или на вечерний, а самой работать...

— А мне кажется, что лучше просто отработать год, а потом поступить на дневной. Тогда мне и учиться легче будет, и жизнь побольше узнаю. У нас в семье все женщины — потомственные ткачихи. И бабушка, и мама, и сестра.

— Правильно, Лен, — кивнул головой Зайцев. — Мне мой дядя рассказывал про молодых инженеров. Пять лет отучатся, а предприятия не знают...

Сергей Андреевич понимающе посмотрел Лебедевой в глаза:

— Молодец. В институте ты будешь учиться еще лучше. А год на фабрике — это очень полезно. Я тоже в свое время прежде, чем в МГУ поступать, год проработал простым лаборантом в обсерватории. Зато потом на практических занятиях ориентировался лучше других.

Елисеев почесал затылок:

— Так, может, и мне сначала лаборантом в аэродинамической лаборатории поработать?

Сидящий рядом Зайцев хлопнул его по плечу:

— Точно, Витек. Ты в трубе вместо самолета стоять будешь.

Ребята засмеялись.

— Вот тогда из него всю дурь магнитофонную повывудет! — громче всех засмеялась Лебедева, вызвав новый взрыв хохота.

Елисеев замахал руками:

— Ну хватит надрывать! Что вы как ненормальные... Давайте кладите картошку, а то угли остынут...

Ребята стали доставать картошку из рюкзаков и бросать в угли.

Елисеев закапывал ее, ловко орудуя палкой.

Савченко склонился над пустым ведром:

— А что, чай кончился уже?

— Так его и было немного — полведра всего. Все же выкипело...

— Ребят, сходите кто-нибудь за водой! — громко попросила Лебедева. — Мы сейчас новый чаек поставим.

Сергей Андреевич взял ведро:

— Я схожу.

Стоящий рядом Соколов протянул руку:

— Сергей Андреевич, лучше я.